

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОЙНЫ В АНТИУТОПИИ

В статье рассмотрены характерные для антиутопии приемы, наиболее полно отражающие цели и задачи авторов в попытке выявления причин возникновения войн и раскрывающие основные функции изображения "правды войны" и "правды о войне" в литературе в целом и в композиционной структуре антиутопических романов в частности. Так, война рассматривается авторами антиутопий как: средство для контроля численности населения, способ воспитания у народа чувства патриотизма, фактор научно-технического прогресса и увеличения промышленного оборота, инструмент политической "чистки" и др. В целом в статье проводится анализ особенностей художественного изображения феномена войны в литературной антиутопии, определяются характеристики, выделяющие в данном контексте анти-

утопию из художественной прозы (так или иначе затрагивающей военную тематику) и обуславливающие особую культурную значимость антиутопии.

В литературных произведениях, описывающих события, так или иначе связанные с военными действиями, война представлена четко и в большинстве случаев недвусмысленно. Есть враг – совершенно определенный по национальному или идеологическому признаку, например, французы (война 1812 г.) или фашисты (вторая мировая война). И есть защитники от этого определенного врага – “свои”. Их функция понятна из названия: они обороняют родину от захватчиков, обеспечивая отечеству спокойную, мирную жизнь. Причины войн – географические (захват территорий) или идеологические (распространение по миру господствующей идеологии оккупантов) – также понятны, и по большому счету не они являются смысловым ядром произведений. Цель авторов в данном случае представляется следующей: изображая картины, рисуящие во всем разнообразии **“правду войны”** [1, с. 188] (непосредственно военные действия, сражения, битвы и (или) бытовые особенности жизни людей в период войн), попытаться представить миру **“правду о войне”** [1, с. 188], то есть попытаться способствовать целостному пониманию происходящего в тот или иной военный исторический период. Часто война описывается в таком ракурсе, который имеет единственной целью продемонстрировать на примере даже небольшого эпизода абсолютную недопустимость подобной ситуации в будущем. Очевидно, что для того, чтобы достоверно изобразить правду войны, необходимо владеть историческими данными в виде хроники, рассказов очевидцев или собственного опыта. Таким образом, война приобретает свое “лицо”, определяемое эпохой и историческими и культурными особенностями участвующих в ней сторон.

Изображение войны в литературной антиутопии существенным образом отличается от описанного выше традиционного ее изображения в художественных произведениях. Более того, часто ситуация здесь кардинально противоположная. Авторы антиутопий не интересуют как таковое изображение **правды войны**. Да и **правда о войне** здесь подразумевается иного рода: не целостное понимание общественно-политической ситуации определенного исторического периода, а причины и сущность, содержание войны как таковое. Как следствие, практически всегда война в антиутопии – не реально имевшее место историческое событие, а полностью вымышленное противостояние часто даже несуществующих государств или политических блоков. В качестве примера здесь может выступить описанное Дж. Оруэллом в романе “1984” (1948) перманентное состояние войны, в котором находится Океания, с периодической сменой противника: с Остазии на Евразию и обратно. Мнение об этой же войне от третьего лица можно проследить в романе Э. Берджесса “1985” (1978) – своего рода пародии на роман Дж. Оруэлла. Вот некоторые представленные аспекты этой войны:

- 1) мы готовимся к войне, чтобы сохранять мир;
- 2) если начнется война и враги уничтожат треть нашего населения и мы сделаем с ними то же самое (и даже больше, если сможем), то люди после этого все равно будут жить счастливо;
- 3) не только война, но и мир ужасен, и необходимо точно узнать, насколько война страшнее мира.

Берджесс, рисуя в “1985” картину военных действий, стремится опровергнуть эти утверждения. Такую попытку автор предпринимал еще в более раннем романе “Жаждущее семя” (вариант перевода: “Вожделющее семя” *The Wanting Seed*, 1962), где главный герой – Тристрам Фокс – по ходу повествования оказы-

вається непосредственно в самой гуще военных событий, не зная в точности, против кого он воюет:

– Чей мы противник?

– Наш собственный. Мы до этого не доживем, до конца войны то есть, потому что мы вступили в эпоху бесконечных войн. ... *Штатские* любят войну.

– Но, вероятно, только до тех пор, пока они могут оставаться *штатскими*, – вставил Тристрам.

– Кое-кому из них это удается: тем, кто управляет, тем, кто делает деньги” [2, с. 421-422].

В этом диалоге главного героя с сержантом Лайтбоди автор высказывается о недопустимости развязывания войн в целях контроля и выравнивания численности населения, а также использования войны в качестве “великого источника адреналина для всего мира, растворителя скуки, Angst, меланхолии, апатии, сплина” [2, с. 423]. Кроме того, война, по мнению автора, недопустима и как средство “разборок” между противоборствующими системами государственного аппарата, что наблюдается в “1985” в борьбе тред-юнионов и исламистов.

В “1985” тема войны, лишь обозначенная в его ранних антиутопических романах, является одной из ключевых. Это отмечает и российский исследователь Л. Ф. Хабибуллина: тема войны в “1985” – это тема, “пронизывающая его от предисловия до эпилога” [3, с. 11]. Среди же ранних произведений писателя исключением, пожалуй, можно назвать лишь роман “Жаждающее семя”, где теме войны также отдается немаловажная роль.

Антиутопия Дж. Оруэлла “1984” предлагает еще один вариант причин, стимулирующих государство на развязывание войн: война здесь обозначена лишь как способ психологической “игры” государства с населением с целью воспитания в нем обостренного чувства патриотизма. “Переживание собственной принадлежности к “своим” приносит чувство защищенности. “Свои” – это гарантия выживания. Правота своих априорна и не требует логической аргументации. ... Таким образом, “свои” – это символ жизни, “чужие” – угроза жизни. Подобная информация закодирована уже на низших уровнях психики, коллективного бессознательного...” [4, с. 101-102]. Таким образом, избранная государством стратегия к “взращиванию” верных государству и идеологии граждан представляется исключительно действенной.

Характерный признак изображения войны в антиутопии – прием сознательного умолчания важных, на первый взгляд, деталей, доходящее порой до абсурда. Так, акцентированное незнание героями своего врага в войне, бестолковость военных действий подчеркивают, что авторов антиутопий волнует не сама война как сюжетный ход для анализа поведения героев в процессе прохождения через серию экзистенциальных тестов, не изображение “эстетики” войны, не ее “лицо”, но причины войны с точки зрения разумного взгляда на данный феномен в социальном и личностном аспектах.

Таким образом, прием умолчания в данном случае сознателен и оправдан с точки зрения следования авторской цели: художественными средствами способствовать выработке потребности анализа и понимания масштабов проблемы. Для эффекта более мощного воздействия на эмоциональную сферу (стоит отметить схожесть по функции в данном случае со своего рода шокотерапией, когда сильный эмоциональный всплеск в первую очередь недвусмысленно обозначает проблему, а затем может выступить и стимулом для попыток ее решения) в литературной антиутопии часто используются элементы фантастического. Как в изображении войны, так и в целом “фантастика в антиутопии продолжает выполнять функцию художественного экстраполятора знания, новых гипотез, идей, все так же несет нагрузку как возбудитель читательского воображения,

являясь практически непревзойденным средством воздействия непосредственно на психоэмоциональное восприятие» [5, с. 272].

Война практически всегда провоцируется не в интересах личности, но в интересах государства. Антиутопия пытается доказать абсурдность доводов государства в пользу необходимости войн. Действительно, неужели возможно, будучи в здравом уме полагать, что уничтожение трети населения среди обеих противоборствующих сторон приведет к счастливому существованию оставшегося населения?

Эта мысль артикулируется Оруэллом не только в романе "1984". "В марте 1940 г. в эссе "Лев и единорог", обличая пацифистов, думающих, что "человеку ничего не нужно, кроме покоя и безопасности", и не понимающих, что "человеку хотя бы иногда нужны борьба и самопожертвование", он почти дословно повторяет первую речь Черчилля в качестве премьер-министра: "Я не могу обещать вам ничего, кроме крови, пота, слез и тяжкого труда". А в романе, в имени "последнего человека в Европе" читатель должен слышать отзвук жизни, где все – мир и война – настоящее, а не суррогат полувойны-полумира с условным противником" [6, 4рd].

Антиутопия демонстрирует, что война часто используется как один из факторов, способствующих научно-техническому прогрессу и увеличению государственного промышленного оборота, так как предполагает усиленное финансирование научной базы разработок вооружений, а также увеличение объемов выпускаемой военной продукции: "Производят и уничтожают и снова производят. И так – непрерывно. "Патриотизм", "честь", "слава", "защита свободы" – все это дерьмо собачье, вот что это такое. Окончание войны является способом ее ведения" [2, с. 421]. Для государственного аппарата война может выступать еще и непревзойденным инструментом "отмывания" денег, расходуемых якобы на активные военные действия. Кроме того, в антиутопии выдвигается и следующий аргумент государства: "Мы заботимся о стабильности. Мы заботимся о том, чтобы на земле не стало слишком тесно" [2, с. 187]. Война в данном случае, как и законодательное ограничение рождаемости, – самый эффективный способ. Кого отправлять на войну? Антиутопия предлагает эффективно "работающий" вариант: тех самых "негодных" государственному аппарату в силу активно выражаемого недовольства по поводу последнего. Таким образом, война выступает инструментом политической "чистки". Снующей повсюду полиции несложно выживать из толпы и тех, кого называют "отбросами общества". По существу, именно люмпенизированная часть населения и выступает в роли "пушечного мяса", запуганная и не задающая лишних вопросов. "Солдат... не имеет права на мнения. Ему это не положено, правильно это или неправильно" [2, с. 413]. Военные действия предполагают строгую военную дисциплину, которая воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как необходимая мера порядка. Но и дисциплину можно при желании использовать как средство для выработки покорности и непоколебимой веры в правоту высшего командования. Берджесс пишет: "Это безразмерное... окружение заставляло человека обращаться внутрь замкнутого леерами пространства, к пустой дисциплине, к напоминавшей детскую игру боевой подготовке, к душевной казарме и ротной канцелярии" [2, с. 415]. А внешне требуется от солдат не так уж и много: "все, чему они должны научиться, это стрелять из своих винтовок... И конечно же, быть чистыми – в меру своих способностей" [2, с. 417]. Это значит в своем роде "зомбировать" человека – выработать условный рефлекс: за выполнение простейших приказов представляются минимальные гигиенические условия и возможность удовлетворить первичные потребности в пище, тепле. Превращение в животное. Правда, дрессированное животное.

Всенародно объявленная государством бесконечная война является также в антиутопии стимулятором формирования положительного настроения населения

к существующему режиму и господствующей идеологии. Патриотические лозунги и призывы противостоять врагу, дабы защитить родину, имеют целью сплотить людей в единую массу “своих”, для которых любой “не свой”, “чужой” автоматически становится врагом.

Кроме того, в антиутопии тема войны несет еще одну функцию. “Существует выражение: смерть миллионов – статистика, смерть одного – трагедия. Хочешь показать трагедию всех – покажи трагедию одного” [1, с. 188]. Абсолютная справедливость выражения отчетливо прослеживается в романе Э. Берджесса “Жаждащее семя”, где война, на которой ежедневно и ежечасно погибает огромное количество людей представлена как перманентная рутинная составляющая жизни людей. О чудовищных, казалось бы, вещах автор говорит как об обыденных. Многие тысячи смертей выступают в произведении фоном для демонстрации трагедии главного героя.

Вероятно, это свидетельствует и о том, что, даже если в том или ином романе-антиутопии теме войны отводится одна из первостепенных ролей, нельзя все же сказать, что это литература о войне. Так же, как нельзя сказать подобным образом о романах “Война и мир” Л. Толстого или “Тихий дон” М. Шолохова, как справедливо отмечает литературовед А.Н. Андреев [1, с. 190].

Заслуга антиутопии касательно изображения войны видится в том, что ей удалось “связать войну и природу человека” [1, с. 188]. И в этом не только литературно-художественная ценность этих произведений, но и их культурная значимость. Антиутопия – попытка трезво, абстрагируясь от идеологии и опираясь на разумные доводы, взглянуть на феномен войны и попытаться оценить его в целом, вне зависимости от национальной или идеологической принадлежности враждующих сторон.

В литературе о войне то, что “метафорически определяют как глубина содержания” определяет степень художественности произведения, его культурную ценность. Глубина в таких случаях раскрывается в выразительности сюжета, в деталях, в образах. В антиутопии принципиально другой способ выражения глубины. Схематичные в изображении войны (в плане сюжета, бытовых деталей, а часто и образов), эти романы предоставляют возможность оценить ту же глубину экзистенциальных проблем, наглядно демонстрируя ненужность обнажения страданий и предельной конкретики для понимания сущности. Иными словами, “изображение войны как бед народа, как иллюстрация патриотизма, как, если угодно, социальный заказ – это одно (это, так сказать, план очевидный); а война как условия, в которых раскрывается природа человека, как предпосылка экзистенциальной ситуации – это несколько иное (это установка на многомерность, тяготеющую к объективности)” [1, с. 188].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Андреев, А.Н.** Правда войны и правда о войне: два типа литературы / А.Н. Андреев // Неман. – 2007. – № 2. – С. 188-193.
2. **Берджесс, Э.** Вожделеющее семя / Э. Берджесс // Заводной апельсин. Вожделеющее семя. – М, 2002. – С. 185-474.
3. **Хабибуллина, Л.Ф.** Антиутопия в творчестве Энтони Берджесса / Л.Ф. Хабибуллина // АКД. – Н. Новгород, 1994. – 16 с.
4. **Андреев, А.Н.** Психика и сознание: два языка культуры / А.Н. Андреев. – Минск, БГУ. – 2000. – 233 с.
5. **Вежлева, О.В.** Категория фантастического в антиутопии и научной фантастике / О.В. Вежлева // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики: сб. научных статей: в 2 частях. – Мн: РИВШ, 2007. – Ч. 1. – С. 268-273.
6. **Чаликова, В.А.** Комментарии к “1984” / В.А. Чаликова // [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://orwell.ru/library/novels/1984/russian/rnt_vach. – Дата доступа: 28. 04. 2004.